

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18
УДК 330.59(045)
JEL P46, J17, J38, D10

Обеспечение достойного уровня жизни населения: возможности и реальность

А.А. Ткаченко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – динамика уровня жизни российского населения. *Цель работы* – определение основных трендов в решении задач достижения достойного уровня жизни населения и уменьшения социального неравенства в обществе. Рассмотрено влияние экономической динамики на положение домохозяйств/семей с разным уровнем доходов; выявлены усиление дифференциации по доходам, а также увеличение доли расходов на питание у семей с самыми низкими доходами, а также сельского населения по сравнению с горожанами. Особое внимание уделено динамике уровня жизни пенсионеров и отставанию индексации пенсий от роста цен. Подчеркнуто, что, несмотря на рост валового дохода на душу населения в последние десятилетие, в число самых бедных регионов страны входят одни и те же субъекты Российской Федерации, что свидетельствует о недостатках региональной политики федерального центра. Благодаря выявлению несовершенства учета в индикаторах Росстата признаков недоедания, вызванного недостаточным или неадекватным питанием, и анализу содержания социальной политики России *сделаны выводы* о необходимости усиления эгалитарности социальной политики и увеличения точности измерения уровня бедности, как минимум, до сотого (0,00%) или даже тысячного знака в показателе недоедания Росстата, свидетельствующем о минимальном количестве пищевых продуктов, необходимом для поддержания жизни человеческого организма.

Ключевые слова: достойный уровень жизни; бюджеты домохозяйств; бедность; дифференциация доходов; благосостояние населения

Для цитирования: Ткаченко А.А. Обеспечение достойного уровня жизни населения: возможности и реальность. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(3):6-18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18

ORIGINAL PAPER

Ensuring a Decent Standard of Living for the Population: Opportunities and Reality

A.A. Tkachenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The subject of the study is the dynamics of the standard of living of the Russian population, including decile groups in household budgets. *The purpose of the work* is to identify the main trends in solving the problem of achieving a decent standard of living for the population and reducing social inequality. The impact of economic dynamics on the situation of households/families with different income levels is considered; increased income differentiation is revealed, as well as an increase in the share of food costs among families with the lowest incomes, as well as rural populations compared with urban residents. Particular attention is paid to the dynamics of the standard of living of pensioners and the lag between pension indexation and price increases. It is emphasized that despite the growth of gross income per capita in the last decade, the same subjects of the Russian Federation are among the poorest regions of the country, which indicates the lack of a proper regional policy of the federal center. Due to the identification of insufficient consideration of signs of malnutrition caused by insufficient or inadequate nutrition in Rosstat indicators and the analysis of the content of Russia's social policy, *conclusions were drawn* about the need to strengthen the egalitarianism of social policy and increase the number of signs in the Rosstat malnutrition indicator, indicating the minimum amount of food necessary to maintain the life of the human body.

Keywords: decent standard of living; household budgets; poverty; income differentiation; well-being of the population

For citation: Tkachenko A.A. Ensuring a decent standard of living for the population: Opportunities and reality. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2025;18(3):6-18. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18

© Ткаченко А.А., 2025

ВВЕДЕНИЕ

В первые же годы своей деятельности ООН приняла 10 декабря 1948 г. Всеобщую декларацию прав человека, в которой было провозглашено право каждого человека на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи. Тем самым была заложена основа социальной политики любого государства и обозначены самые важные условия жизни любого человека и семьи. Еще в Уставе ООН, принятом 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско, объявлено общей целью международной экономической и социальной деятельности содействие достижению более высокого уровня жизни, и поэтому многие, если не большинство, международные организации имели и имеют программы действий в социальной сфере, направленные на повышение уровня жизни и благосостояния населения.

Для их разработки и эффективного использования на практике должны иметься концепция уровня жизни и методы измерения прогресса в повышении уровня жизни. Поэтому в ходе подготовки доклада ООН «Международное определение и измерение стандартов и уровней жизни» в 1954 г. было решено, что «проблема уровней жизни должна рассматриваться в плюралистическом порядке путем анализа 11 компонентов, представляющих собой международно принятые ценности»¹ (здоровье, питание, образование, условия работы, ситуация с занятостью и т.д.). Именно тогда рабочая группа по подготовке названного доклада пришла к заключению, что для получения адекватной общей картины уровня жизни необходимы обследования семейной жизни на выборочной основе.

Поэтому вышеуказанный доклад ООН остается актуальным и по сей день, предусматривая направления дальнейшего улучшения базы данных по уровню жизни, целесообразность принятия единообразных методов учета различий стран по уровню развития и т.д.²

Продвижение мирового сообщества по пути к достойному уровню жизни за прошедшее де-

сятилетие можно проиллюстрировать выступлениями представителей различных государств на заседании, состоявшемся в рамках Всемирного экономического форума 2025 г., посвященном теме: «Почему повышение уровня жизни может стимулировать рост»³. На форуме был также заслушан доклад ОЭСР о координации подходов к содействию благополучию и психическому здоровью⁴, в котором нашли отражение результаты новейших исследований уровня жизни людей.

В нашей стране мониторинг уровня жизни встречал в свое время много трудностей, например не велось бюджетные обследования.

Уместно назвать ученых, внесших наибольший вклад в развитие отечественных знаний в этой области, учитывая огромные трудности, которые им приходилось преодолевать вследствие закрытости многих данных, отсутствия надлежащей социальной статистики, цензуры негативных выводов: Л. А. Гордон, Е. И. Капустин, Н. П. Кузнецова, П. А. Минакир, М. А. Можина, Н. Е. Рабкина, Н. М. Римашевская, Г. С. Саркисян, А. Ю. Шевяков.

В 1990-е гг., когда население страны испытывало влияние/последствия системного кризиса, и в первой половине 2000-х гг. публиковалось очень мало научных статей, посвященных рассмотрению проблем уровня жизни, хотя в это время был осуществлен социологический проект по исследованию образа жизни под условным названием «Таганрог», возглавляемый Н. М. Римашевской и Л. А. Гордоном, посвященный изучению семейного благосостояния, уровня и качества жизни городского населения на примере одного города [1].

В XXI в. положение с публикацией исследований, посвященных рассмотрению отдельных аспектов уровня жизни людей, прежде всего бедности, изменилось, хотя продолжало не хватать работ, в которых речь шла об обеспечении достойного уровня жизни людей.

Острая потребность в исследованиях по этой теме очевидна на примере количества цитирований в научной литературе (156 по состоянию на 10 марта 2025 г.) [2].

¹ Report on International Definition and Measurement of Standards and Levels of Living. New York: UN, 1954. 106 p. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1476522?v=pdf>. P. vi.

² Например, доклад подробно осветил все недостатки мониторингового подхода к измерению уровня жизни

³ URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/01/improving-living-standards-stimulate-growth>.

⁴ OECD (2023), How to Make Societies Thrive? Coordinating Approaches to Promote Well-being and Mental Health. Paris: OECD Publishing, 2023. 212 p.

Ввиду того что актуальность анализа уровня жизни российского населения только возрастает, обратимся к отдельным проблемам его обеспечения в контексте совершенствования социальной политики.

ОЦЕНКА ДОСТОЙНОГО УРОВНЯ ЖИЗНИ В XXI В.

В XXI в. национальная политика государств в части обеспечения достойного образа жизни людей строится на основе рекомендаций (инициатив) ООН. Последняя действующая инициатива ООН «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее — Повестка-2030), принятая в 2015 г. резолюцией Генеральной ассамблеи ООН, установила цели устойчивого развития (далее — ЦУР), задачи и направления улучшения жизни населения всего мира и стран в отдельности.

Достижение большинства целей из 17 ЦУР приведет к росту уровня жизни населения, а всех 17 — к улучшению условий жизни людей. Но наиболее близки к теме уровня жизни ЦУР 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах» и ЦУР 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех».

В решении задачи ликвидации нищеты вышеприведенный документ ООН подчеркивает необходимость учета интересов бедного населения (*pro-poor*) и гендерных аспектов. В большинстве исследований уровня жизни не только рассматривается проблема бедности как таковая, но и влияние на нее занятости, заработной платы и характера работы. Значительно реже исследуется обратное влияние уровня жизни на экономическую динамику [3, р. 63], хотя такой подход к решению задачи ликвидации нищеты представляется даже более важным ввиду того, что он акцентирует внимание институциональных органов на необходимость повышения уровня жизни.

Согласно ООН пандемия *COVID-19* нанесла огромный и в ряде случаев непоправимый ущерб человечеству, особенно бедным странам и наиболее уязвимым слоям населения. Отсюда следует, что мировое сообщество и его международные организации оказались не в состоянии противостоять этому чрезвычайному событию, несмотря на все меры помощи, принимаемые в рамках

«Повестки-2030». Это свидетельствует не только о кризисе политики обеспечения устойчивого роста, но и об отсутствии принятия тактических решений в рамках стратегических целей ООН как выразителя общей политики продвижения человечества к всеобщему благосостоянию.

Безусловно, соглашаясь с утверждением о том, что повышение уровня жизни должно быть целью любой экономической политики, необходимо обратить внимание на тезис ООН о связи экономического роста и повышения уровня жизни, обуславливающей «справедливое улучшение уровня жизни и благосостояния для *всех*». Основной акцент делается в этом и других документах ООН на выделенное в вышеприведенном тезисе слово, в том числе в ЦУР. В то же время в п. 41 Повестки-2030 говорится о том, что «каждая страна несет главную ответственность за свое собственное экономическое и социальное развитие»⁵.

Большинство научных исследований и ряд статистических баз по отражению феномена уровня жизни выходят за его рамки и по существу описывают условия жизни и ее качество.

Еще одна проблема связана с многочисленными случаями синонимизирования понятий благосостояния/благополучия и уровня жизни, хотя между ними существует, как отметил в своей лекции в 1986 г. нобелевский лауреат А. Сен, явная разница. «Благополучие является более широким и всеобъемлющим из двух связанных понятий», и этот вопрос, по его мнению, «следует рассмотреть, прежде чем двигаться дальше» [4, р. 35].

Больше всего научных работ посвящено анализу бедности и неравенства, их влиянию на экономический рост и социальную депривацию населения. Но и в отношении бедности в экономике XXI в. происходят большие изменения — безработица перестает быть основным фактором, определяющим бедность, что требует в свою очередь изучения ситуаций, при которых отсутствует возможность удовлетворения минимальных потребностей жизнедеятельности людей [5].

Следует подчеркнуть, что роль бедности, задачи ее сокращения и политика ликвидации крайней бедности (нищеты) могут рассматриваться

⁵ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/70/1>.

по-разному учеными и политиками государств, в которых порог риска бедности определяется на уровне 60% от национального медианного дохода, и в странах, где установленный по-другому порог бедности, составляет около трети от медианного дохода.

Отставание России в решении проблемы бедности очень велико, поэтому говорить хотя бы о приближении порога бедности к достойному или даже социально приемлемому уровню жизни невозможно. Так, в 2023 г. прожиточный минимум всего населения в России был равен 29,8% от медианной зарплаты, а прожиточный минимум трудоспособного населения — 33,52%⁶.

Достойный уровень жизни (*decent living standard*) может обеспечиваться только в случае отсутствия резкого роста стоимости жизни или ее увеличения в течение нескольких лет, не компенсируемого политикой социальной защиты наиболее уязвимых слоев населения и налогово-кредитной политикой по отношению к малому и среднему бизнесу⁷. И по этой причине правительства большинства стран пытаются регулировать уровень инфляции и одной из важнейших задач финансовых органов считают ее прогнозирование⁸.

Нельзя делать вывод об уровне жизни по одному или даже нескольким показателям. Например, прожиточный минимум в России⁹ выше, чем в других странах СНГ, а средний размер пенсий ниже, чем в Азербайджане, Белоруссии и Казахстане¹⁰. Как заметил А. Сен, показывая возможность больших разночтений в трактовке расчетов ВВП Индии и Китая, для решения проблемы различий в удовлетворении материальных и духовных потребностей людей необходимо проанализировать другие, кроме ВВП, составляющие уровня жизни, которые можно интерпретировать как его от-

ражение в продолжительности жизни и уровне грамотности [4, р. 46].

Поэтому преждевременно делать вывод о кризисе стоимости жизни по данным одного квартала года [6, с. 148], так же как рост стоимости жизни в одном календарном году [6, с. 149] не может сам по себе свидетельствовать о регрессе благосостояния, зависящего от динамики многих других индикаторов. Но самая главная ошибка автора вышеуказанного утверждения состоит в том, что он использует только отдельные показатели без их рассмотрения в динамике и без оценки тенденции развития в связи с той или иной политикой и периодом экономического цикла. В работе [7, р. 377], напротив, убедительно показано на основе синтетической/агрегированной переменной, что «экономическая политика, проводимая Европейским союзом, достигает желаемого эффекта»: уровень жизни в странах растет, и разрыв между ними сокращается.

Как показывают большинство исследований, проблема уровня жизни требует более чем серьезного подхода для ее решения, что подтверждает необходимость рассмотрения в исследовании большого количества переменных. Однако Л. и К. Тополевские отмечают, что некоторые аспекты жизнедеятельности людей, по-видимому, анализируются чаще, чем другие, включая доходы населения, рынок труда, здравоохранение и образование. Поэтому они должны учитываться при анализе уровня жизни населения [7, р. 372].

Результаты исследования [5] показали, что политика, способствующая интеграции работников на рынок труда без учета качества рабочих мест и условий труда, обесценивает оплачиваемую занятость с точки зрения поддержания достойного уровня жизни. Но, к сожалению, целевая установка российской государственной политики¹¹ на создание 25 млн высокопроизводительных рабочих мест находит отражение в новых национальных проектах в другом и менее явном виде.

Ряд исследований подчеркивают, что разработанные международными организациями показатели направлены на измерение результатов человеческого благополучия, а не на определение требований к достижению этих результатов. В работе [8] предложен набор материальных тре-

⁶ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. С. 222.

⁷ Цель этой политики не только защита самого бизнеса, но и занятых в нем.

⁸ Эти функции по отношению к российской экономике осуществляют Центральный банк (прогноз и регулирование вместе с Правительством РФ) и Минэкономразвития Россия (прогноз).

⁹ Сравнение дается в единых единицах измерения: рублях, долларах США и евро.

¹⁰ Содружество Независимых Государств в 2023 году: Статистический ежегодник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2025; С. 137.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».

**Основные показатели уровня жизни населения России /
Key indicators of the standard of living of the population of Russia**

Показатель / Indicator	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ВВП на душу населения, долл. США	14 055	9278	8663	10 659	11 212	11 448	10 108	12 522	15 445	13 817
Ежегодный темп прироста, %	0,7	-2,0	0,2	1,8	2,8	2,2	-2,7	5,6	-2,1	3,6
ВНД на душу населения, долл.	36 220	35 396	34 381	34 975	36 011	36 510	35 887	38 030	37 463	39 222
Реальные денежные доходы населения, %	99,2	96,4	95,5	98,8	101,7	101,9	98,6	103,9	104,0	106,5
Среднемесячная номинальная заработная плата, руб.	32 495	34 030	36 709	39 167	43 724	47 867	51 344	57 244	65 338	74 854
Среднемесячная пенсия в % к заработной плате	33,2	35,2	33,8	32,9	30,6	29,6	29,2	29,1	27,3	25,8
Медиана среднедушевого денежного дохода в % к заработной плате	62,6	66,2	62,6	60,6	56,4	55,0	52,8	52,4	55,4	53,6
Индекс потребительских цен, %	111,35	112,91	105,39	102,51	104,26	103,04	104,91	108,39	111,94	107,42
Коэффициент Джини	0,414	0,411	0,411	0,410	0,414	0,412	0,406	0,409	0,398	0,405
Коэффициент фондов	15,8	15,5	15,5	15,3	15,8	15,6	14,9	15,2	14,0	14,8
Децильный коэффициент	7,2	7,1	7,1	7,0	7,2	7,1	6,9	7,0	6,6	6,8

Источники / Sources: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>; <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>; URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>; URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>; URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.KD>.

бований, необходимых для человеческого благо- состояния, который авторы считают достойным уровнем жизни (*decent living standards*).

ИЗМЕНЕНИЯ В УРОВНЕ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

При анализе основных показателей уровня жизни российского населения следует отметить, что валовый внутренний продукт (далее — ВВП) включен в таблицу не для характеристики самого уровня жизни, а для показа сложной динамики экономического развития, которая со второй половины 2010-х гг. отличается неравномерностью. ВВП и валовый национальный доход (далее — ВНД) должны отражать, как утверждает А. Сен, в одной реальной цифре общую картину относительного богатства, но «успехи и неудачи

в уровне жизни являются вопросами условий жизни», а не этой общей картины». [4, р. 47].

Из десяти представленных в таблице лет реальные доходы населения падали в течение пяти лет, а доля медианы среднедушевого денежного дохода по отношению к заработной плате сокращалась в течение семи лет из десяти.

Уровень жизни городского и сельского населения в России до сих пор различается вследствие влияния многих факторов, в том числе по располагаемым ресурсам, которых у сельских жителей меньше, чем у горожан, на целую треть (67,1%). Более низкий уровень жизни сельских жителей явно просматривается и в структуре расходов на потребление в домашних хозяйствах. У сельского населения не просто значительно более высокая доля расходов на питание — 44,7% против 35,5%,

но она и очень близка к гипотетической доле бедного населения — половине всех расходов.

Не хотелось бы прибегать к графаретной фразе: «богатые богатеют, а бедные ...», но реальность последних лет такова, как будто она ее подтверждает. Так, в III квартале 2024 г.¹² 10% самых высокодоходных граждан России тратили на домашнее питание¹³ всего 17,9% своих расходов, что на 1,5 п.п. ниже таких же расходов в III квартале 2023 г. Полярная группа граждан, имеющая самые низкие доходы, тратила на питание 51,2% расходов, что больше, чем в 2023 г., на 0,2 п.п. Столь непомерные траты на питание свидетельствуют об устойчивом характере бедности этой группы населения. В порядке сравнения в начале 2000-х гг. при средней доле расходов домохозяйств Германии на питание, равной 9,0%, эта доля составляла 11,7% для домохозяйств с ежемесячным чистым доходом до 900 евро и 7,1% для домохозяйств с чистым доходом от 5000 до 18 000 евро. Эта разница между долями расходов домохозяйств с низким и высоким доходами удивительно незначительная [9, р. 295].

Сравним соотношения доли расходов на питание самых низко- и высокодоходной групп по данным бюджетных обследований Росстата 2010 и 2023 гг. В 2010 г. самые низкодоходные домохозяйства тратили на питание 35,37%, а самые высокодоходные — только 23,64% всех расходов. При этом сама сумма затрат на питание у верхнего дециля распределения домохозяйств была выше нижнего дециля более чем в четыре раза (408,2%). В 2023 г. ситуация ухудшилась: доля питания у низкодоходного дециля возросла до 48,63%, что близко по значению к бедным слоям населения развивающихся стран, а у высокодоходного дециля уменьшилась до 21,25%. Затраты на питание в «богатых» и «бедных» домохозяйствах сблизилась на очень малую величину и стали немного ниже — 390,9%¹⁴. Таким образом, четырнадцатилетний период не привел к сокращению дифференциации доходов, и разрыв в долях питания лишь увеличился; кроме того, динамика показывает удаление нижнего дециля населения России по доходам от достойного уровня жизни, а не приближение к нему. Подушевой валовой

доход вырос за этот период на 9%¹⁵. Возникает вопрос: что не так в политике доходов и социальной политике социального государства по основному закону? Это явно не эгалитарная политика, подразумевающая преимущественный рост доходов более бедных слоев населения.

Столь большие различия в уровне жизни бедного и богатого по доходам населения России отражаются на различиях в образе жизни. Так, начиная с седьмой доходной группы расходы семей на организацию отдыха, спортивные и культурные мероприятия превышают долю в 7%. В 10-й группе они составляют 14%, в то время как в самой низкой десятипроцентной группе — только 2,3%. Это действительно разный образ жизни и различные условия отдыха/проведения свободного времени, что влияет на способность эффективной работы занятых.

В обследованиях населения Росстата появились данные об оценках самими семьями своего финансового положения. В опросниках населения приводится один из возможных ответов на заданный вопрос о расходах на еду — «не хватает денег даже на еду». Безусловно, это шаг вперед в статистике бедности, в том числе связанный с отчетами по ЦУР ООН.

Обследования подтверждают вывод ряда исследователей [10] о том, что в российском обществе все еще есть семьи/население, которым не хватает денег на еду. В 2023 г. к этим домохозяйствам относились 0,1% семей с самыми низкими доходами по 20-процентной шкале (в 2022 г. таких семей было больше — 0,3%), и среди них были одинокие неработающие пенсионеры, неполные семьи, многодетные семьи, семьи с детьми до 16 лет, семьи, проживающие как в сельской, так и в городской местности.

Возникает вопрос: почему вышеперечисленные категории домохозяйств исчезли из группы семей с нехваткой денег в 2023 г.? Ответ прост: из-за грубой погрешности измерения, существенно превышающей ожидаемую при данных условиях измерения. Для выяснения реальной ситуации с семьями, которым не хватает еды, должна быть обеспечена точность измерения их количества, как минимум, до сотого (0,00%) или даже тысяч-

¹² Самые последние данные Росстата.

¹³ Расходы на питание в целом немного выше: на 0,7 п.п. у бедных и на 3 п.п. у самых богатых.

¹⁴ Рассчитано по данным Росстата: URL: <https://obdx.gks.ru>.

¹⁵ Столь незначительный рост связан с «провалом» 2016 г., когда показатель снизился по сравнению с 2013 г. более чем на 7%.

ного знака, поскольку 0,001% недоедающих — это 1,4 тыс. человек.

Доля расходов на питание может также характеризовать относительную бедность регионов, связанную как с уровнем зарплаты/доходов населения, так и с внутрирегиональной дифференциацией доходов самого населения: чем больше доля бедных слоев, тем больше доля расходов на питание в среднем по региону. Представляется, что этот показатель может учитывать федеральный центр при планировании федеральных субсидий и трансфертов.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ ПО УРОВНЮ ЖИЗНИ

Одной из самых сложных для исследования теоретических и практических проблем является дифференциация территорий по уровню жизни населения. Часто ставится задача уменьшения этой дифференциации, хотя даже небольшое сближение встречается крайне редко.

Разрыв между странами по территориальному признаку волнует участников интеграционных и других видов объединений, так как слишком высокий его уровень замедляет экономическую интеграцию и отрицательно влияет на социальное развитие не только «отстающих» государств, но и стран с более высоким уровнем. Так, ряд исследований посвящен изучению этой проблемы на примере стран ЕАЭС и ЕС, а также БРИКС [11].

Исследование уровня жизни в регионах Польши за 2005–2017 гг. показало, что, несмотря на некоторое улучшение ситуации с интеграцией территорий в воеводствах, диспропорции между регионами не снижаются и продолжает иметься большая разница между восточной и западной частями страны [12, р.148–153].

В отличие от ЕАЭС¹⁶, Евросоюз проводит специальную политику по сближению уровней жизни в странах Союза. В работе [6] авторы задались вопросом: достигает ли экономическая политика, проводимая ЕС, предполагаемого эффекта по сближению уровней жизни. Средний уровень жизни в 2005 г. у «старых» стран ЕС был на 20,4% выше, чем у «новых» государств, вступивших в ЕС [6, р. 374]. В 2005–2020 гг. уровень жизни среди

новых членов Союза возрос на целых 21,56%, в то время как темпы увеличения среднего синтетического показателя уровня жизни составили всего 5,34% [6, р. 375]. Это, по нашему мнению, свидетельствует о решающем значении интеграционных процессов, причем прежде всего о влиянии общего рынка труда, поднимающих уровень жизни в более отстающих экономиках. Это важно для политики скоординированного подхода к измерению уровня жизни в странах ЕАЭС, который, кроме того, свидетельствует о необходимости разработки гармонизированных методик измерения этого индикатора и постоянного отслеживания результатов исследования органами ЕЭК ЕАЭС. Кроме того, такой мониторинг будет оказывать влияние на уровень жизни тех или иных вновь принимаемых мер в рамках этого Союза.

Среди всех регионов России по состоянию на 2010 г. можно выделить четыре группы субъектов. В первой группе самых «богатых» регионов доля питания составила менее 30% при среднем показателе по всем домохозяйствам страны 32,1%. В 2010 г. эта группа насчитывала 11 субъектов Российской Федерации, что очень близко к количеству недотационных регионов. В 2022 г.¹⁷ это число сохранилось, т.е. «богатых» регионов больше не стало, но произошли некоторые изменения. Из этой группы выбыли Тюменская область (рост доли питания с 27,6 в 2010 г. до 38,6% в 2022 г.) и Ямало-Ненецкий АО (рост с 28,0 до 32,8%). В то же время к этой группе субъектов Российской Федерации присоединились Архангельская область и Приморский край.

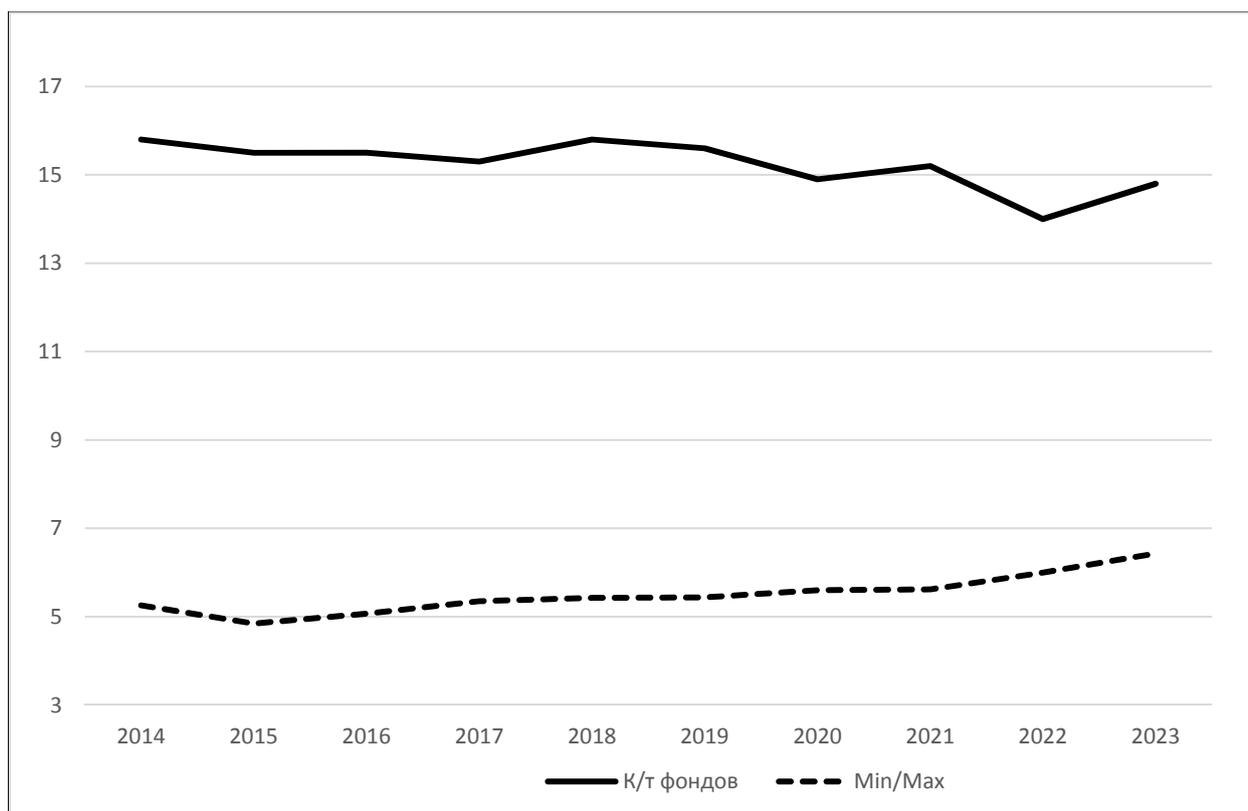
Вторую, самую многочисленную группу, образуют регионы, в которых доля питания близка к средней по стране, составляя от 30 до 40%.

В третьей группе находятся регионы, которые можно назвать «бедными» по структуре питания в домохозяйствах. Все они находятся в диапазоне 40–50%, и таковых было в 2010 г. 13, но в 2022 г. их число увеличилось на девять. Но если переход в эту группу Ингушетии и Чечни¹⁸ свидетельствует об улучшении ситуации с уровнем жизни в этих республиках, то вхождение в эту группу Тюменской области демонстрирует более сложную взаимосвязь экономического роста и увеличения

¹⁶ Элементом подобной политики с долей условности можно считать принятие соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 г.

¹⁷ Последний год, по которому Росстат опубликовал данные.

¹⁸ Вместе с Дагестаном они входили в четвертую группу с долей свыше 50%

Рис. / Fig. Динамика коэффициента фондов и соотношения максимальных и минимальных доходов в регионах России (раз) / Dynamics of the fund coefficient and the ratio of maximum and minimum incomes in the regions of Russia (times)

Источник / Source: составлено и рассчитано автором по данным Росстата / compiled and calculated by the author according to Rosstat data URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>.

Примечания / Notes: К/т фондов – коэффициент фондов; Min/Max – соотношение показателей регионов с максимальными и минимальными доходами / K/t funds – funds coefficient; Min/Max – ratio of indicators of regions with maximum and minimum incomes

доходов населения и его уровня жизни. В эту группу «бедных» регионов перешли Рязанская, Смоленская, Тверская, Курская области и Мордовия.

Приведенные выше данные по субъектам Российской Федерации свидетельствуют о том, что, *во-первых*, большинство регионов России еще далеки от обеспечения своим домохозяйствам достойного уровня жизни, если под последним подразумевать долю расходов, которую семья тратит на питание, так как в среднем в европейских странах всеобщего благосостояния она равняется 10–15%¹⁹. *Во-вторых*, более чем заметно проявляется негативное влияние экономической динамики на рассмотренный показатель в период стагнации 2014–2015 гг., экономического спада

2020 г., пандемии коронавируса, но в то же время в ареале негативного влияния экономической динамики оказались не все регионы. Это свидетельствует о том, что значительное влияние оказывает не только экономическая динамика всего народного хозяйства, но и специфика развития самих регионов, в которых ситуация может не ухудшаться в той мере, в какой это происходит в национальной экономике в целом.

Кроме доли питания в расходах семей заслуживает внимания показатель, который в соответствии с закономерностями, выявленными Э. Энгелем, должен расти вместе с ростом доходов²⁰. Это доля расходов на использование в свободное от работы время, учитываемая Росстатом как

¹⁹ URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20230201-1>.

²⁰ Большая ошибка узко трактовать закон Энгеля только в связи с долей питания.

«организация отдыха, спортивных и культурных мероприятий». В целом по стране она составляла в 2022 г. 4,9%, снизившись, к сожалению, с 5,3% в 2021 г., тогда как в 2010 г. она была выше — 6,5%. Такая «обратная» ожиданиям и потребностям динамика свидетельствует о значительной неустойчивости в прогрессивной динамике уровня жизни, как это ожидается в социальном государстве, осуществляющем много национальных проектов и социальных программ.

Что касается регионов России, то в 2010 г. было всего 16 субъектов, в которых рассматриваемая доля расходов на отдых и культурные мероприятия превышала среднюю по России. При этом самый высокий показатель был не в Москве (10%), а в Ханты-Мансийском (10,8%) и Ямало-Ненецком (11,8%) автономных округах. Действительно, в этих регионах номинальная заработная плата также была значительно выше средней как по стране (в разы), так и по сравнению с Москвой.

Кривая соотношения регионов с максимальным и минимальным показателем доходов населения (см. рисунок) имеет после небольшого сокращения дифференциации доходов в кризисные 2014–2015 гг. тенденцию к росту, которая ускорилась после 2021 г. Самое негативное видится в том, что среди регионов с минимальными доходами находятся одни и те же республики: Республика Ингушетия, Республика Тыва, и в 2022 г. к ним присоединилась Карачаево-Черкесская Республика. Субъектами Российской Федерации с максимальными доходами являются Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, что свидетельствует о продолжающемся доминировании в экономическом развитии нефтегазового сектора, а в последние два года — Чукотский автономный округ.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

При исследовании влияния растущего неравенства/дифференциации в доходах на экономический рост ученые ссылаются на зарубежные работы, в которых утверждается, что «рост социальной напряженности заставляет политиков увеличивать социальные трансферты отдельным группам населения» [3, р. 54].

Согласно одной из точек зрения аккумуляция финансовых ресурсов в обществах со значительным уровнем социального неравенства происходит более активно благодаря высокой

склонности состоятельных домохозяйств к сбережениям. В результате более широкая ресурсная база в таких странах создает благоприятные предпосылки для инвестирования. Исходя из таких предпосылок очень большая степень дифференциации в доходах в бюджетах российских домохозяйств могла бы способствовать инвестированию со стороны самых богатых/доходных групп россиян. В бюджетах российских домохозяйств сумма сбережений в самой высокодоходной децильной группе в 2023 г. в 4,47 раза превышает сбережения самой низкодоходной группы. Но все же как этот разрыв, так и сама сумма сбережений (2336 тыс. руб.) не свидетельствуют о значимых возможностях инвестирования. По-видимому, для оценки этой возможности надо рассматривать сбережения высшей 5%-й группы, но такой статистики нет.

В результате рассмотрения дифференциации доходов по коэффициенту Джини авторы работы [3, р. 64] пришли к выводу о том, что этот коэффициент, рассчитываемый Росстатом по стране в целом, становится индикатором скорее различий в доходах населения между отдельными территориями, обусловленных в том числе дифференциацией уровня цен, климатическими особенностями и т.д., нежели расслоением населения по уровню материального достатка. Разумеется, такой вывод подлежит проверке другими исследователями, но он все же свидетельствует, *во-первых*, не только о необходимости, но и обязательности учета своеобразия регионов России в проектах и программах, разрабатываемых центром, в русле политики доходов и, *во-вторых*, о передаче регионам в рамках этой политики все больших полномочий²¹ для регулирования дифференциации населения по доходам.

ДОСТОЙНЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И РОССИЙСКИЕ ПЕНСИОНЕРЫ

Самый болезненный для любого общества вопрос — проведение пенсионной реформы, особенно в части повышения возраста выхода на пенсию. Осуществленная в России пенсионная реформа [13, с. 30–31] также обосновывалась в первую очередь увеличением демографической нагрузки на население трудоспособного возраста: в России в 2023 г. на каждого человека в воз-

²¹ Это подразумевает и передачу финансовых средств для исполнения этих полномочий.

расте старше 65 лет приходилось 4,2 человека трудоспособного возраста (18–64 лет)²², тогда как в США пропорция численности людей трудоспособного возраста (от 18 до 64 лет) и пожилых людей в возрасте 65 лет и старше сократилась с 5,7 в 1970 г. до 3,7 в 2020 г., т.е. была заметно ниже, чем в России. И ожидается, что это соотношение будет падать дальше, усиливая давление на финансы Социального фонда, поскольку все меньше работников вносят взносы на социальное обеспечение, в то время как все больше пожилых людей получают право на социальные пособия.

Достойный уровень жизни пенсионеров определяется в первую очередь соотношением уровня пенсий и средней заработной платы в экономике. Поэтому большинство стран с сильной социальной политикой (государства социального благосостояния) стремятся поддерживать достаточно высокий коэффициент замещения получения трудовой пенсии²³. Так, в государствах ЕС он имеет значительные различия между странами, образовавшими Союз, и государствами, вошедшими в него в 2004 г. и позже. В целом коэффициент по всем странам ЕС равен 0,58 (или 58%), в странах Еврозоны он достигает 0,60 (все данные за 2023 г.). Самый высокий уровень замещения трудовой пенсии в Греции (0,78,) Испании (0,77) и Италии (0,75), самый низкий — в Хорватии (0,35) и Литве (0,36)²⁴. Приблизительно такой же низкий коэффициент был в России в середине 2010-х гг. — 0,33–0,35, но с 2016 г. он стал сокращаться, упав в 2023 г. до 0,258, что ниже уровня, рекомендованного МОТ.

Уровень пенсий должен регулярно пересматриваться вследствие роста уровня заработной платы в экономике и увеличения цен (инфляции). В России процесс индексации страховых пенсий (пенсии по возрасту) хотя бы в меру официальной инфляции²⁵ носил в 2010–2020-е гг. непоследовательный характер: в годы низкой инфляции, когда индекс потребительских цен (далее — ИПЦ) не превышал 4% (104,0%), увеличение шло в этом же размере или даже на 2–3% выше (на 250–900 руб.), но если

ИПЦ был выше, как, например, в 2021–2023 гг., то увеличение пенсий отставало от необходимого роста согласно ИПЦ. В то же время необходимо учитывать, что пенсионеры ощущают более высокий уровень инфляции, чем показывает ИПЦ, так как структура их расходов иная, поэтому пенсии должны увеличиваться хотя бы в меру роста индекса цен на продовольственную корзину. Только в 2025 г. запланировано проиндексировать пенсии в соответствии с ИПЦ за 2024 г., но индексация пройдет не сразу с 1 января, а в два этапа. Можно констатировать, не вникая в причины, что макроэкономическая политика российского государства в последнем десятилетии не соответствовала стремлению поддержки достойного уровня жизни пенсионеров. Если в период до экономической рецессии, начавшейся в 2014 г., ежегодный темп прироста пенсий был немного выше темпа прироста заработной платы: 1,75 и 1,74% соответственно (2000–2013 гг.), то в последующем периоде ежегодный темп прироста пенсий (1,78%) заметно отставал от прироста заработной платы (1,83) и от прироста медианного среднедушевого денежного дохода населения (1,80²⁶).

Всего после начала кризиса 2014 г. с 2015 по 2023 г. государство не доплатило каждому пенсионеру, по нашим расчетам, 110 556 руб. За девять лет эту сумму можно оценивать и как незначительную — 12,3 тыс. в год, но, вероятно, пенсионеры так бы не сказали. Тем более что в иные годы «недоплата» была заметно больше и превышала 20 тыс. руб. (2018 г.), и особенно чувствительными эти потери были для одиноких пенсионеров.

Исследование неравенства в уровне жизни, вызываемое неравенством доходов на основе эквивалентного дохода, показало, что фактически материальное положение лиц старшего возраста хуже по сравнению с оценками, осуществленными на основе номинальных доходов [14].

Новое правительство Германии объявило о новой идее в блоке социальных вопросов: продолжающим работать лицам пенсионного возраста не облагать налогом заработную плату до 2000 евро. По отношению к среднемесячному валовому заработку 2023 г. это составляет 43,6%²⁷, что не

²² Рассчитано по: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

²³ Соотношение средней страховой пенсии и средней заработной платы в процентах или в долях.

²⁴ URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ILC_PNP3/default/table?lang=en.4.

²⁵ Инфляцией в ценах на потребительские товары и услуги, измеряемой ИПЦ.

²⁶ Медиана среднедушевого денежного дохода (руб. в месяц).

²⁷ Рассчитано по: Average gross monthly earnings. Germany. As at August 26, 2024. <https://www.destatis.de/EN/Themes/Labour/Earnings/Earnings-Earnings-Differences/Tables/liste-average-gross-monthly-earnings.html#56518>.

только поднимет уровень жизни работающих пенсионеров, но и простимулирует многих лиц, достигших пенсионного возраста, не выходя на пенсию, а продолжать работать. Таким образом решаются не только социальная, но и экономическая проблемы страны с демографически стареющим населением. Подобная мера для России была бы альтернативой нехватки кадров, но и одновременно способствовала бы повышению социальной защиты пенсионеров, которые, напротив, при продолжении работы лишены прав на региональные добавки к пенсии. Разумеется, такую долю/уровень не сможет предложить даже Москва (59,5 тыс. не облагаемых налогом), да и законодательное поле лишает такой возможности. Для России в целом эта сумма составила бы 32,6 тыс. руб., или 31,5% от средней зарплаты (2023 г.). Можно предложить ввести не облагаемую налогом для работающих российских пенсионеров сумму в размере 20 тыс. руб., что близко к минимальной зарплате и выше среднего размера пенсии работающих пенсионеров²⁸. Более того, для стимулирования занятости пенсионеров и роста их уровня жизни можно предложить законодателю внести в нормативные акты изменение, чтобы эта мера зависела от регионального размера средней зарплаты: там, где она меньше среднероссийской, необлагаемая сумма будет соответственно выше, а где зарплата выше — наоборот. Это простая, но действенная мера приближения благосостояния части российских пенсионеров к достойному уровню жизни.

ВЫВОДЫ

Хотя бюджетные обследования населения, под которыми понимаются выборочные статисти-

²⁸ Это может стоить для федерального бюджета около 150 млрд руб. в год, что составит менее 17% от средней суммы финансирования нацпроекта «Демография» в два последних года его осуществления.

ческие обследования бюджетов домашних хозяйств (служат источником информации о жизненном уровне различных общественных групп населения²⁹), играют незаменимую роль в отслеживании основных изменений в уровне жизни домохозяйств (семей) — разных по составу и доходности, статистика различных характеристик доходов населения: заработной платы, медианного дохода и т. д. не лишена давно признанного, но все еще присутствующего недостатка: неучета малого бизнеса. Хотя методики бюджетных обследований для учета этого сектора экономики разрабатывались, официального результата от их применения не получено. Не заменено также определение «малоимущее население» на более корректный термин «бедное» население, и поэтому таблицы Росстата выглядят почти анекдотично. В разделе «Дифференциация доходов и бедность» в одних и тех же таблицах присутствуют малоимущие домашние хозяйства и крайне бедные домашние хозяйства, а просто бедные домохозяйства как явление отсутствуют.

В подготовке докладов по ЦУР ООН Росстату необходимо в статистике недоедания увеличить точность показателей как минимум до сотого знака после запятой.

Сравнение динамики основных показателей достойного уровня жизни в России в XXI в. позволяет сделать вывод о том, что последнее десятилетие менее благоприятно для достижения цели роста уровня жизни и уменьшения дифференциации между группами населения с различными доходами, что требует значительных изменений в социальной политике и учета в разрабатываемых новых национальных проектах.

²⁹ Полноценные бюджетные обследования начались только в 1988 г. в связи с реформаторским переходом к международно принятым нормам статистики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена с использованием материалов научных работ в рамках государственного задания Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared using the materials of scientific papers within the framework of the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таганрогские исследования: полвека спустя. Монография. Римашевская Н. М., Локосов В. В., ред. М.: Экономическое образование; 2017. 288 с.
2. Савченко П., Федорова М., Шелкова Е. Уровень и качество жизни: понятия, индикаторы, современное состояние в России. *Российский экономический журнал*. 2000;(7):66–73.
3. Tumanoyants, K., Arzhenovskiy, S., Arkova, O., Monastyryov, M. and Pichulina, I. Inequality and economic growth in Russia: Econometric analysis. *Russian Journal of Money and Finance*. 2023;82(2):52–77.
4. Sen A. The Standard of living. In: McMurrin, S. Tanner and S. McMurrin. *The human values lectures VII*. Cambridge: Cambridge University Press; 1986.
5. Wolf F., Lohmann H., & Böhnke P. The standard of living among the poor across Europe. Does employment make a difference? *European Societies*. 2022;24(5):548–579. DOI: 10.1080/14616696.2022.2076892
6. Говорова Н. В. Уровень и качество жизни в ЕС: вызовы «новой» реальности. *Современная Европа*. 2023;118(4):146–156. DOI 10.31857/S 0201708323040083.
7. Topolewski Ł., & Topolewska K. Standard of living in European Union countries. *Ekonomia i Prawo. Economics and Law*. 2023;22(2):369–383. DOI: 10.12775/EI.2023.021.
8. Jason Hickel, Dylan Sullivan. How much growth is required to achieve good lives for all? Insights from needs-based analysis. *World Development Perspectives*. 2024;35:100612.
9. Michael Grings. Ernst Engels. Entdeckung vor 150 Jahren. *Agrarwirtschaft*. 2007;56(7):292–296. (Deutsch).
10. Гришина, Е. Е., Цацура, Е. А. Материальное положение семей, использовавших федеральный материнский капитал. *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2018;9(115):39.
11. Tkachenko A. A. Is there a joint field of cooperation among the BRICS countries in measures against poverty and extreme poverty? In: *Proceedings of the external challenges and risks for Russia in the context of the world community's transition to polycentrism: Economics, Finance and Business (ICEFB 2019)*, Moscow: Atlantis Press; 2019: 64–67.
12. Malina A. Analysis of spatial diversity in the socio-economic development of Polish voivodeships in 2005–2017. *Social Inequalities and Economic Growth*. 2020;1(61):138–155. DOI: 10.15584/nsawg.2020.1.10
13. Ткаченко А. А. Станут ли российские пенсионеры богаче? *Власть*. 2019;27(1):29–41. DOI 10.31171/vlast.v27i1.6195
14. Суринов А. Е., Луппов А. Б. Неравенство по доходам в России. Измерение на основе эквивалентного дохода. *Экономический журнал ВШЭ*. 2020;(4): 539–571. DOI: 10.17323/1813–8691–2020–24–4–539–571

REFERENCES

1. Taganrog studies: Half a century later. Monograph. Rimashevskaya N. M., Lokosov V. V., eds. Moscow: Economic Education Publishing House; 2017. 288 p. (In Russ.).
2. Savchenko P., Fedorova M., Shelkova E. The level and quality of life: Concepts, indicators, the current state in Russia. *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal = Russian Economic Journal*. 2000;(7):66–73. (In Russ.).
3. Tumanoyants, K., Arzhenovskiy, S., Arkova, O., Monastyryov, M. and Pichulina, I. Inequality and economic growth in Russia: Econometric analysis. *Russian Journal of Money and Finance*. 2023;82(2):52–77.
4. Sen A. The Standard of living. In: McMurrin, S. Tanner, S. McMurrin. *The human values lectures VII*. Cambridge: Cambridge University Press; 1986.
5. Wolf F., Lohmann H., & Böhnke P. The standard of living among the poor across Europe. Does employment make a difference? *European Societies*. 2022;24(5):548–579. DOI: 10.1080/14616696.2022.2076892
6. Govorova N. V. Living standards and quality of life in the EU: Challenges of “new” reality. *Contemporary Europe*. 2023;118(4):146–156. (In Russ.). DOI 10.31857/S 0201708323040083
7. Topolewski Ł., & Topolewska K. Standard of living in European Union countries. *Ekonomia i Prawo = Economics and Law*. 2023;22(2):369–383. DOI: 10.12775/EI.2023.021
8. Jason Hickel, Dylan Sullivan. How much growth is required to achieve good lives for all? Insights from needs-based analysis. *World Development Perspectives*. 2024;35:100612.

9. Michael Grings. Ernst Engels. Entdeckung vor 150 Jahren. *Agrarwirtschaft*. 2007;56(7):292–296. (in German).
10. Grishina E. E., Tsatsura E. A. Financial situation of families that used federal maternity capital. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal = Management of economic systems: electronic scientific journal*. 2018;115(9):39. (In Russ.).
11. Tkachenko A. A. Is there a joint field of cooperation among the BRICS countries in measures against poverty and extreme poverty? In: Proceedings of the External Challenges and Risks for Russia in the Context of the World Community's Transition to Polycentrism: *Economics, Finance and Business* (ICEFB 2019), Moscow: Atlantis Press; 2019: 64–67.
12. Malina A. Analysis of spatial diversity in the socio-economic development of Polish voivodeships in 2005–2017. *Social Inequalities and Economic Growth*. 2020;61(1):138–155. DOI:10.15584/nsawg.2020.1.10
13. Tkachenko A. A. Will Russian pensioners become richer? *The Authority*. 2019;27(1):29–41. (In Russ.). DOI 10.31171/vlast.v27i1.6195
14. Surinov A. E., Luppov A. B. Income inequality in Russia. Measurement based on equivalent income. *Ekonomicheskij zhurnal VSHEH = HSE Economic Journal*. 2020;24(4):539–571. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Александрович Ткаченко — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Alexander A. Tkachenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher, Institute of International Economic Relations Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>

aatkachenko@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.03.2025; принята к публикации 20.05.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 11.03.2025; accepted for publication 20.05.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.